

Выслушав Цуй Минъяна, Ли Жун не выказал и тени беспокойства.

Цэнь Сяо гарантировал, что место в программе останется за ним, а для Третьего района «Ланьшу» присмотреть за подобными мелочами не составляло труда — в конце концов, Объединенная палата ежегодно жертвовала Университету А огромные суммы.

Однако юноше стало любопытно, кто именно, по словам одноклассника, решился выступить против.

Проявляя тактичность и понимая, что в шумном классе выдавать чужие секреты неудобно, Ли Жун поднялся, опираясь ладонями о стол, плотнее запахнул пальто и застегнул пуговицы.

— Поговорим снаружи.

Цуй Минъян хотел было ограничиться сказанным, но, заметив мимолетную пренебрежительную усмешку на губах Ли Жуна, понял, что тот ему не доверяет.

Цуй Минъян недолюбливал старосту и никогда не считал себя образцом благородства. Он и сам не раз прибегал к мелким интригам, чтобы отобрать то, что считал своим, но именно поэтому ему претила сама мысль о том, что на него повесят чужое преступление. Одно дело — обманывать самому, и совсем другое — позволять кому-то другому использовать себя в качестве прикрытия.

Немного поразмыслив, он всё же последовал за Ли Жуном.

Одноклассники, которые уже целую вечность не видели их разговаривающими, с любопытством провожали парней взглядами.

Цэнь Сяо не пошел следом: он знал, что Ли Жун справится сам. Вместо этого юноша откинулся на спинку стула и принялся задумчиво наматывать на палец провод от наушников. Его взгляд становился всё более тяжелым и пронзительным.

Как только была запущена программа «Выдающиеся таланты», он поручил Цэнь Цину установить наблюдение за Школой А и приемной комиссией Университета А. Цэнь Цин, имея в качестве залога обещание сына поступить в Девятый район, не мог проигнорировать эту просьбу.

В Школе А всё шло гладко: администрация проявила благоразумие и подала документы Ли Жуна в обычном порядке. Если Цуй Минъян не лгал, значит, проблема возникла на стороне Университета А.

«Ланьшу» уже недвусмысленно дала понять, что дорожит справедливостью при наборе студентов, и если кто-то всё же осмелился пойти на риск и вмешаться в распределение квот, этот человек должен занимать весьма высокое положение.

***

В коридоре Ли Жун склонил голову набок, нарочито подозрительно оглядывая собеседника.

— Ты — главный выгодоприобретатель, — насмешливо заметил он спустя мгновение. — Почему я должен верить, что это не твоих рук дело? Даже если ты сам не причастен, твои родители наверняка спят и видят, как бы обеспечить тебе это место.

Цуй Минъяну, привыкшему быть любимцем учителей и примером для подражания, было невыносимо терпеть подобные обвинения. Лицо его окаменело, а ладони мгновенно стали влажными от гнева.

— Я же сказал: это не я! Я хочу стать лучшим выпускником города, это моя мечта с самого детства. Родители знают об этом и не стали бы заниматься подобной ерундой.

Ли Жун остался безучастен.

— Они просто тебя утешают. Разве твои родители мало для тебя сделали? Или ты забыл о той статье, под которой стояла твоя фамилия?

Та самая работа, которую когда-то отклонил Ли Цинли, была корнем ненависти Цуй Минъяна к семье Ли. Его родители действительно пытались расчистить ему путь заранее, и не использовать семейные ресурсы в его глазах было верхом глупости.

Что касается статьи — тут всё было очевидно, но в нынешнюю ситуацию его семья действительно не вмешивалась. Даже его отец и мать говорили, что они люди маленькие и их голоса ничего не значат, а потому этот позор наверняка падет на их головы. Им самим было по большому счету всё равно — в их глазах семья Ли давно была растоптана, и ненависть Ли Жуна не могла причинить им вреда.

Однако Цуй Минъян видел, что Ли Жун и Цэнь Сяо становятся всё ближе, и подозревал, что в будущем тот может занять видное место в «Ланьшу». Он завидовал старосте, но в то же время отчетливо понимал, насколько Ли Жун опасен. В отличие от оптимистично настроенных родителей, Цуй Минъян интуитивно чувствовал: этот человек еще заставит мир содрогнуться.

Его охватило отчаяние; чем больше Ли Жун сомневался, тем сильнее Цуй Минъян ощущал это как личное оскорбление.

— Со статьей всё правда, но это наше семейное дело, мы никого не подставляли! А сейчас мы

вообще ни при чем.

Ли Жун чуть приподнял подбородок, глядя на него сверху вниз.

— Тот, кто способен на плагиат, вполне может использовать служебное положение, чтобы устранить конкурента.

Доведенный до предела, парень затравленно огляделся.

В коридоре гулял холодный сквозняк. Сквозь потолочное стекло пробивался серый, безжизненный свет. Немногие прохожие кутались в куртки и спешили поскорее вернуться в теплые классы. До них двоих никому не было дела.

— Ты же знаешь, что мои родители в «Хунсо» ничего не решают, — прошипел Цуй Минъян. — У них даже нет доступа на закрытые встречи! «Они» просто намеренно свалили всё на нашу семью!

— Они? — Ли Жун зацепился за это слово, едва приподняв бровь.

Собеседник тут же прикусил язык. Он понимал, что сболтнул лишнего, и подобные откровения могут обернуться для него бедой.

Ли Жун усмехнулся:

— Ты пришел предупредить меня только для того, чтобы перевести стрелки на кого-то другого?

Его лицо исказилось:

— Ха, я так и знал, что ты не поверишь. Но я бы в жизни не посмел сваливать вину на таких людей, если бы не был уверен.

Ли Жун перестал улыбаться. Опустив взгляд, он принялся рассеянно вертеть прозрачную пуговицу на манжете.

— Тебе не кажется, что ты противоречишь сам себе? Если «они» настолько могущественны, то чего тебе бояться? Что я, обычный школьник, могу им сделать?

«Если бы ты только знал, на что способен», — пронеслось в голове у Цуй Минъяна.

Самой большой его глупостью когда-то была вера в то, что Ли Жун сломается после смерти родителей и проведет остаток дней в беспросветном тумане.

— Хочешь, чтобы я всё тебе выложил? Не дождешься, — буркнул тот. — Я не подставляюсь ни под чей удар.

Ли Жун пристально посмотрел на него и замолчал.

Судя по обрывкам информации, отобрать у него место решили люди из высшего руководства исследовательского института «Хунсо» — те, чье положение было настолько выше статуса родителей Цуй Минъяна, что те не смели даже пикнуть, когда их делали козлами отпущения.

С тех пор как Ли Жун потерял связи в институте, подобные внутренние новости могли знать только те, кто сам вращался в этой системе.

Программа «Выдающиеся таланты» длилась уже несколько месяцев. Если бы кто-то хотел вставить палки в колеса, это произошло бы гораздо раньше. Ян Фанфан с самого начала намекала, что он мог бы уступить место Цуй Минъяну, но тот никогда не проявлял к программе интереса. Его целью всегда был статус лучшего выпускника города.

Значит, машина по устранению Ли Жуна заработала только сейчас. И что-то определенно подтолкнуло «их» к этому решению.

После смерти родителей Ли Жуну позволили по милости суда выжить в запертой квартире, позволили остаться в доме еще на месяц, даже разрешили организовать факультатив в Школе А. Всё это время его считали ничтожеством, не заслуживающим внимания. В прошлой жизни всё было так же: он поступил в университет, закончил факультет биохимии и стал работать под началом Цзян Вэйдэ.

Его терпели из-за полного пренебрежения и высокомерия.

Но как только он совершил нечто, выходящее за рамки дозволенного, последовал немедленный удар. И в этот раз расплата пришла гораздо раньше — из-за публикации той самой гипотезы.

У них не было прямых доказательств того, что статью подготовил и отредактировал именно Ли Жун, но никто не мог доказать и обратного. «Они» наверняка изучили все контакты Ли Цинли и проверили каждого члена его семьи, но так и не смогли избавиться от подозрений.

Человек, сумевший распорядиться важнейшими результатами исследований, знающий тонкости подачи работ через локальную сеть Университета А, владеющий академическим английским и способный вести дискуссию с рецензентами, должен был, как минимум, досконально разбираться в трудах Ли Цинли.

Для обычного школьника это казалось невыполнимым, но если отец подготовил статью заранее и часто обсуждал свои открытия с сыном, то задача становилась выполнимой.

Чтобы исключить любую возможность утечки, «они» не могли допустить, чтобы Ли Жун попал на факультет биохимии, получил доступ к знаниям и начал расследование дела «Люйиньсюй». Поэтому даже если он поступит в Университет А через общий экзамен, они сделают всё, чтобы закрыть ему путь в науку.

Ли Жун тихо вздохнул.

— Это Цзян Вэйдэ.

Он произнес это без тени сомнения, словно констатировал факт самому себе.

На лице Цуй Минъяна мгновенно отразилось потрясение. Он попытался быстро взять себя в руки и сухо возразил:

— О чем ты вообще болтаешь?

Но Ли Жун уже прочитал ответ в его глазах. У этого парня были свои амбиции и мелкие хитрости, но он только-только вступил во взрослую жизнь. Он казался умудренным опытом, но на деле еще не сталкивался с настоящими бурями. С него было слишком легко снять маску.

Ли Жун даже улыбнулся и слегка похлопал одноклассника по плечу:

— Спасибо.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вошел в класс.

Цуй Минъян почувствовал, как голова идет кругом. Он бросился вдогонку, пытаясь оправдаться:

— С чего ты взял?! Я ничего не подтверждал! Не вздумай размахивать моими словами как флагом, я вообще не называл фамилию профессора Цзяна!

Ли Жун, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Чего ты так разволновался? Что я, простой школьник, могу сделать? Ну, отберут место и отберут, пойду поплачу в уголке.

Цуй Минъян лишь промолчал.

Ли Жун меньше всего был похож на человека, собиравшегося плакать. Напротив, Цуй Минъяну показалось, что тот затевает нечто грандиозное.

Проходя мимо парты Цзянь Фу, Ли Жун небрежно постучал по столешнице, после чего вернулся на свое место и красноречиво пожал плечами, глядя на Цэнь Сяо.

Цзянь Фу нехотя убрал телефон и, потягиваясь, поплелся следом.

— Что случилось? В чем дело? У меня там рейд горит!

Цэнь Сяо и Ли Жун обменялись коротким взглядом.

— Кто-то из верхушки исследовательского института «Хунсо»? — негромко спросил Цэнь Сяо.

Ли Жун молча кивнул, прикрыв глаза, и перевел взгляд на Цзянь Фу. Им с Цэнь Сяо не нужны были лишние слова — они понимали друг друга с полувзгляда.

Зато Цзянь Фу терялся в догадках.

— Да скажите уже хоть слово! Что за катастрофа случилась?

— Ты ведь неплохо знаешь тех дядек, с которыми твои родители постоянно ужинают? — спросил Цэнь Сяо.

Первый район «Ланьшу» курировал интернет-сегмент, и те, кто сидел за одним столом с главой палаты Цзянь Чанли, были настоящими титанами индустрии.

Цзянь Фу скривился и с горькой усмешкой фыркнул:

— Ты про тех дедов, которые на каждом банкете заставляют меня демонстрировать навыки ментальной арифметики?

Ли Жун мягко улыбнулся:

— Именно. Пришло время попросить этих «дедов» об услуге. Тебе придется немного поступиться принципами.

Цзянь Фу подозрительно прищурился:

— Сразу предупреждаю: у меня есть границы. Я не стану нарушать правила отрасли и не вяжусь ни в чем, что может привлечь внимание Девятого района!

— Всё гораздо проще, — спокойно ответил Цэнь Сяо. — Пусть они окажут твоему отцу

любезность и пропустят в новостные ленты своих платформ пару сюжетов. Лю Таньчжи умеет использовать прессу, чтобы создавать шумиху, — нет причин, по которым мы не могли бы сделать то же самое.

Ли Жун лениво откинулся на спинку стула.

— Недавно ведь закончился осенний рекрутинг? Каждый год всплывают истории о том, как кандидатов с лучшими баллами на тестах заменяют чьими-то протеже. Справедливость при зачислении или приеме на работу — это то, что касается каждого. Любой обычный человек захочет высказаться на эту тему. Жаль, что в этом году в трендах не было подобных обсуждений.

— Аккаунты Лю Таньчжи наверняка наготове, — добавил Цэнь Сяо. — Как только информация начнет распространяться, они попытаются перехватить инициативу и задать нужное направление.

— Значит, мы просто заодно ограничим им охваты? — небрежно бросил Цзянь Фу.

<http://bllate.org/book/15351/1431689>